

*Запись начальника канцелярии президента Чехословакии
Я. Смутного о высказываниях Э. Бенеша в связи с военными
действиями на советско-германском фронте*

Лондон

5 июля 1941 г.

Первый субботний доклад у президента на лужайке в А[стен] А[ббатс] Б[енеш] в хорошем настроении. Излагает утешительные сведения с русского фронта. Спрашивал по телефону у Моравца, какие на сегодня сводки. Мор[авец] сообщил, что немцы выставили 15 бронетанковых дивизий, что большинство этих дивизий уже на фронте под Минском, а не под Киевом, где командует Лист¹, как все время предсказывал Мор[авец]. Он сообщил также, что, по мнению русских и англичан, сражение, которое ныне происходит, является главной битвой во всей кампании. Потери, которые несут немцы, огромны. Президент радовался тому, что он якобы был прав, когда предполагал, что главный удар немцев направлен на Москву и что там сосредоточены главные немецкие бронетанковые силы. Сегодняшние сообщения с фронта его удовлетворяют, поскольку свидетельствуют о том, что немцам не удается блицкриг, как они себе представляли.

К этому должен заметить следующее: все сообщения Моравца имеют целью доказать, что главный удар немцев еще впереди, когда они введут подразделения, имеющиеся в резерве у генерала Листа. Он постоянно утверждал, что на его участке 5 бронетанковых дивизий, которые до сих пор не введены в бой. Когда позавчера началось усиленное наступление этой группировки на Тарнов и под Ровно, Мор[авец] ликовал, что якобы это то самое наступление, которое он предсказывал на конец недели, т. е. на 2—3 июля.

Во-вторых, президент выражает также глубокое удовлетворение в том смысле, что русская армия оказалась лучше, чем предполагалось всеми. Так же и Моравцем. Это видно из того, как русские сражались до сих пор. Вообще наши военные так же, как и другие, имели тенденцию недооценивать русских.

Факт, продолжал он, что русские систематически все уничтожают за собой. Этого немцы не встречали на Западном фронте. Во Франции, Голландии и Бельгии крестьянин и вообще любой другой боится уничтожать свое имущество. У нас было бы так же, крестьянин бы своего не сжег. В России иначе. В бедных деревнях крестьянин спокойно все уничтожает потому, что знает, что после войны государство построит ему лучше. Когда после войны русские используют расходы за один день войны на строительство уничтоженных деревень, то все будет восстановлено. Найдут рабочих, и все будет сделано.

Поэтому немцы будут иметь колоссальные трудности со снабжением армии. Майский вчера пригласил Б[енеша] на обед. Б[енеш] не хочет, чтобы пока об этом говорили².

Мы говорили далее о разных вопросах, которые касаются нас в связи со вступлением России в войну. Возникает, например, вопрос о признании³. Б[енеш] не допустит, чтобы русские выдвигали при этом какие-либо условия, например, возражения против состава нынешнего правительства из правых. «Я скажу им прямо, говорил он, если будет такое условие, то я его не приму. Правительство Тисо они могли признать, а мое правительство нет? Впрочем, если Вы это выскажете в порядке пожелания, которое облегчит Ваше положение и контакты с нами, то это хотя бы облегчит мне положение.

Я предполагаю, что в документах, которыми мы обменяемся по вопросу о признании, русские могли бы высказать такое мнение. Я должен быть осторожным и не производить ныне изменений в правительстве, как будто бы под влиянием вступления России в войну. Мы должны иметь в виду англичан и Америку, чтобы они не считали нас представителями России. Русские также должны это понимать.

В конце концов они не должны касаться наших внутренних дел. Мы будем проводить только свою политику.

Тем не менее, я хочу произвести смену правительства⁴. Я представляю себя таким образом, чтобы связать это с новым назначением членов Государственного совета⁵, мандат которых истекает 2 октября. До этого времени мы будем вести переговоры с Россией и будет лучше видно, как будет развиваться обстановка. Хочу сделать новое правительство работающим, меньшим по составу».

Затем мы также перешли к вопросу об отношении к полякам. Я высказал мнение, — когда речь шла о взглядах наших военнослужащих на русскую армию, — что, по-видимому, именно наши офицеры лучше всего договорятся с поляками. И хотя они бывшие русские legionеры и привыкли к таким методам, которые неизбежно влекут за собой воинские отношения, то есть к командованию, и тем самым, естественно, в меньшей степени, к демократическим взаимоотношениям с людьми, то в этом смысле, с точки зрения этих методов, именно польские военные им в достаточной мере близки. Таким образом, в военных кругах договоренность достигается наиболее легко. Иначе, думаю, в переговорах с поляками мы далеко не уйдем. Б[енеш]: «Я другого мнения и думаю, что соглашение с поляками возможно. Я его достигну не с Сикорским⁶, а с польским народом. Почему бы польскому народу не ощущать искренней потребности к соглашению с нами?» В этом я не мог не признать правильности мнения президента. Если под влиянием России удастся достигнуть изменения во внутренних польских отношениях, а это, видимо, удастся, то польско-чехословацкое соглашение, очевидно, имеет будущее. Польский хлопок не питает ненависти к чехам, не интересуется особенно словаками и не испытывает ненависти к москалям. Я полагаю, что Сталин своей речью положил хорошее начало...⁷.

AKPR, Praha, J. Smutný, VII/190—194.

Подлинник. Перевод с чешского.

Опубликовано: Dokumenty z historie československé politiky 1939—1943, díl 1, dok. č. 195, s. 236—237.

¹ Лист Вильгельм (1880—1971) — генерал-фельдмаршал нацистской армии. Командовал германскими соединениями в войне против Польши, балканских стран и СССР.

² См. док. 76.

³ Уже 24 июня 1941 г. Э. Бенеш высказался за восстановление дипломатических отношений с СССР, и вскоре были начаты конкретные переговоры с советским послом в Англии И. Майским. Результатом явилось советско-чехословацкое соглашение 18 июля 1941 г. (см. док. 82).

⁴ Чехословацкое временное правительство в Лондоне было назначено 21 июля 1940 г. Оно продолжало деятельность Чехословацкого национального комитета в Париже, сформировавшегося в ноябре 1939 г. Его членами были буржуазные политики домюнхенской республики Я. Шрабек, Я. Масарик, С. Ингр, Е. Оутрата, Я. Славик, Ф. Немец, С. Осуский, Г. Рипка, Р. Виест, Я. Бешко, а также бывшие члены правительства протектората, которые в 1940 г. эмигрировали в Англию, — Л. Фейерабенд, Я. Нечас. Позднее в него вошел Я. Лихтер. Временное правительство должно было в будущем обеспечить переход власти в стране в руки буржуазии, и поэтому оно сохраняло связь с представителями правительства протектората и государственным президентом Э. Гахой.

В интересах успешной борьбы против гитлеровцев и расширения союза антигитлеровских сил внутри страны и за границей Коммунистическая партия Чехосло-

ваки признала чехословацкое правительство в Лондоне. Однако она занимала критическую позицию по целому ряду аспектов его политики (см.: Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии, с. 207).

⁵ Государственный совет был образован декретом Э. Бенеша от 21 июля 1940 г. «как совещательный орган президента республики и как вспомогательный контрольный орган в рамках временного государственного устройства Чехословацкой республики». Государственный совет должен был состоять из 40 членов, назначенных президентом. Кроме министров временного правительства, в его состав были введены буржуазные и реформистские политики, такие, как аграрий М. Годжа, социал-демократы Р. Бехине, И. Чаплович, Б. Лаушман, национальные социалисты В. Клецанда, Й. Странский, Ф. Углирж, представитель народной партии Ф. Гала и другие. Его возглавлял сначала Р. Бехине, позднее — П. Макса (Úřední věstník československý, Londýn, гоѡ. 1, ѡ. 10, 4. prosince 1940).

В конце ноября 1941 г., учитывая развитие военных действий на фронтах, движения Сопротивления внутри страны и то, что КПЧ выразила свою поддержку правительству (см. примеч. 4), Бенеш назначил членами Государственного совета и коммунистов: В. Носека, А. Годинову-Спурну, Й. Вало, К. Крейбиха и дополнительно как представителя чехословацкой эмиграции в СССР Б. Врбенского (см.: Fierlinger Z. Ve službách CSR. Praha, díl 2, 1948, s. 34—36, 38).

⁶ Сикорский Владислав — см.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. III, с. 492.

⁷ См. док. 73.

76

*Из записи беседы президента Чехословакии Э. Бенеша с послом СССР в Великобритании И. М. Майским о позиции Правительства СССР в чехословацком вопросе и о его поддержке чехословацкого движения Сопротивления*¹

Лондон

8 июля 1941 г.

1) В пятницу 4 июля звонил Майский и спрашивал, согласен ли я принять приглашение на обед в субботу или в понедельник. Я сразу сообщил, что с радостью принимаю приглашение, но что буду в Лондоне только во вторник. Договорились на вторник.

2) Во вторник, сразу после встречи, Майский сообщил мне следующее:

— Советское правительство дало мне инструкцию передать Вам следующее сообщение:

а) политической программой Советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством;

б) само собой разумеется, что Советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам;

в) если чехословацкое правительство желает направить в Москву своего посланника, Советское правительство с радостью его примет²;

г) Советское правительство готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России³. В таком случае оно считает, что, по-видимому, можно было бы организовать специальный национальный чехословацкий комитет, который помогал бы в организации армии. Единственным условием является то, что в оперативных и военно-технических вопросах эта часть находилась бы под русским верховным командованием. В остальном командование и офицеры были бы чехословацкие.

3) Я горячо поблагодарил Майского за сообщение и сказал, что с радостью принимаю это сообщение и что это является для меня только подтверждением того, что я сам сказал в своем последнем выступлении*, т. е., что мы возвращаемся в отношении России к тому положе-

* Речь идет о выступлении Бенеша по лондонскому радио в передаче на Чехословакию 24 июня 1941 г.